Любовь Носорога

Автор:
Мария Зайцева

Любовь Носорога

Мария Зайцева

Вселенная носорога

Он смотрел на меня. Молча. В упор.

Взгляд его жестких, черных глаз был очень… Настойчивым.

Лифт шел вниз, медленно, я жалась в угол, не смея отвести глаз от его жесткого непроницаемого лица.

Паша Носорог задумчиво оглаживал мою замершую в испуге фигуру внимательным взглядом, словно решая, что делать со мной дальше.

И, кажется, вариантов у него был вагон с прицепом…

Мария Зайцева

Любовь Носорога

Глава 1

«У носорога слабое зрение, но при его габаритах – это уже не его проблема»

(взято на просторах интернета)

– Не, Колян, не та… Там такая… Мммм… – Молодой парень в форме охранника мечтательно закатил глаза и причмокнул губами, не находя слов для описания.

Его напарник, отрываясь от мониторов, на которых, ввиду позднего часа и окончания рабочего дня в восемнадцать ноль-ноль, не происходило ровным счетом ничего, насмешливо посмотрел на говорившего:

– И чего? И с чего ты взял, что она на тебя запала? Ты, Митек, простой охранник. Тебя никто в упор не видит.

– А она увидела! – взвился Митек, обиженно поджимая губы, – и улыбнулась! И вообще, я не охранник, я секьюрити! С правом ношения оружия!

– Ага, – заржал его собеседник, очень обидно и громко, – секьюрити, бля… Иди оружие свое протри, а то запылилось!

При этом он выразительно глянул на видавшую виды дубинку, за ненадобностью давно уже валявшуюся на продавленном диване комнаты наблюдения.

– Да пошел ты, – Митек отвернулся, решив больше не разговаривать с ехидным напарником, и уставился на мониторы.

Минут пять прошло в молчании. Но затем активный парень, совершенно не умеющий долго злиться и находиться в тишине, что, вообще-то не есть хорошо для его специальности, опять хмыкнул.

– Слушай, а чего на директорском уровне не поставили камеры?

– А с чего ты взял, что не поставили?

– Ну, у нас нет их картинки.

– А нам и не надо. Меньше знаешь, крепче спишь.

– А…

– И вообще, нехер лишние вопросы задавать. Ты здесь недавно, пока не нарвался. У Носорога крутая служба охраны. Они и имеют доступ к камерам. Везде. И у нас в том числе.

– Носорог? – Митек удивленно выпучил глаза.

Его напарник со вздохом оглядел парня:

– Тебе сколько лет? Здешний?

– Двадцать… Нет… Год назад приехал…

– Понятно. Не в курсе, значит… У нас здесь даже пацаны десятилетние знают, кто такой Носорог.

– Да кто это вообще?

– Это, бля, Колосов Павел Сергеевич. Это имя тебе знакомо, надеюсь? На кого работаешь, в курсе?

– А почему Носорог?

– А потому что здоровенный, прет напролом и боли не чувствует. И не остановить его нихера. Ничем. Вообще. Крутой боец был. На ринге всех укладывал. Ну неужели не слышал? Паша Носорог?

– Нет… И чего, бывший спортсмен, что ли? Откуда столько бабок?

– А это не твое дело, щенок. И не трепись. Я зря вообще рот раскрыл…

– Да ладно, ты че! Я никому!

– Ага…

Митек еще попытался порасспрашивать про страшного Носорога, но напарник молчал, уже, наверно, сожалея о своей откровенности.

Тогда стажер опять обиделся и тоже замолчал.

Время смены тянулось медленно, камеры не показывали ничего интересного, огромный, самый дорогой и современный бизнес-центр в их областном городе, был погружен в тишину.

Поэтому внезапное движение на пятом этаже, где заседала бухгалтерия холдинга, которому и принадлежал этот бизнес-центр, привлекло внимание сразу.

Митек какое-то время наблюдал за светловолосой женщиной, сначала купившей кофе в автомате и затем нажавшей кнопку вызова лифта, а потом удивленно пробормотал:

– Бля, и чего им дома не сидится? На три часа задержалась на работе.

– Значит, надо так. – Отрезал его напарник сухо, пресекая всякие дальнейшие разговоры, – говорю тебе в последний раз, нехер задавать лишние вопросы. И вообще болтать.

Митек опять обидчиво поджал губы, наблюдая за женщиной, устало облокотившейся на стену возле лифта и медленно прихлебывающей кофе. Лица ее не было видно, только светлые короткие волосы в небрежной укладке и вполне симпатичную фигурку, сейчас выражающую полную выжатость. Наверно, много работы, сидела у монитора, без конца сверяя свои многочисленные таблицы и ломая глаза.

Лифт открылся, женщина, не поднимая головы, шагнула внутрь.

Затем кабина поехала наверх. Наверно, кто-то еще был в здании так поздно, и вызвал лифт. Митек удивился, что и на директорском этаже тоже есть сумасшедшие, кому неймется поработать сверхурочно.

А потом, когда едущий уже вниз лифт внезапно остановился между этажами, охранник удивился. Застряли что ли? Но вызова не поступало, а камер там тоже не было установлено. Или были, но выходили не к ним в охранку.

Митек оглянулся на напарника, думая, спрашивать ли о странности с лифтом, но наткнулся на угрюмое лицо и решил пока не лезть. И так чего-то недоволен мужик, шугается всего на свете. Ну подумаешь, спросил про Носорога! Тоже мне, секрет секретный. Да пошел он!

Лифт стоял уже пять минут. Митек ерзал. Потом не выдержал все-таки:

– Коль, глянь, че такое? Лифт, похоже, застрял. А там баба из бухгалтерии. Может, от страха в обморок грохнулась? Она вообще какая-то хиленькая, словно жевали ее и не дожевали…

Коля посмотрел по камерам, потом вздохнул:

– Одна она что ли?

– Да не понял я… Лифт наверх шел еще, может, там кого-то из дирекции подхватил…

– Ладно. Ждем еще пять минут, потом пойдем проверим.

– А вдруг ей там плохо? Сердечный приступ или еще что…

– А вдруг она вышла просто наверху, а лифт пошел вниз? Сам? Тогда это не наша печаль, ее служба Носорога прихватит.

Они еще немного попрепирались, решая, как поступить, потому что комнату охраны покидать можно было только в крайнем случае, а во всех остальных – оставаться на месте и вызывать специальную службу. Пока спорили, лифт опять пошел вниз. И мимо них, на подземную парковку.

Охранники замолчали, напряженно глядя в мониторы, ожидая, когда двери раскроются.

Лифт остановился. Раскрыл двери, выпуская двоих пассажиров. Мужчину и женщину.

Мужчина, темноволосый, коротко стриженный, очень крепкий и широкоплечий, остановился, доставая сигареты. Женщина, чей локоть он выпустил для того, чтоб подкурить, неуверенно сделала шаг назад. В сторону от него.

Мужчина убрал сигареты, сделал пару глубоких затяжек, не отводя взгляда от светловолосой спутницы, в которой Митек узнал ту самую бухгалтершу, что заходила в лифт, устало опустив плечи. Правда, теперь во всей ее фигуре явственно сквозило напряжение. И желание оказаться подальше от мужчины. Который отбросил прочь окурок и, шагнув к ней, резко дернул к себе за талию, прижал и грубо поцеловал. Женщина слабо уперла руки в его широкие плечи, Митек, задержав дыхание, прилизил на максимальную и увидел, как тонкие пальцы сжали ткань дорогого пиджака, словно пытаясь оттолкнуть, а затем бессильно опали вдоль тела, а сама женщина покорно застыла, позволяя мужчине жадно целовать ее губы, щеки, шею, порывисто дергать ворот кофточки, добираясь до плеча, поразившего Митька в полутьме парковки своей белизной и нежностью кожи, очевидной даже через объектив камер.

Заметно было, что она в ступоре, в шоке, замедленно, но отвечает на грубые ласки мужчины, подчиняется его напору. Вот руки поднялись и сами легли на плечи, опять сминая пиджак, вот тело прильнуло теснее, делая объятия еще откровеннее, и Митьку стало внезапно жарко. Нереально жарко, как не от всякого просмотра порнушки бывало. Этот поцелуй, с одной стороны грубый, практически насильственный, а с другой стороны невероятно горячий, покоряющий именно своей дикой животной стороной, возбуждал даже его, стороннего наблюдателя. А что же происходило в таком случае между теми, за кем они наблюдали так жадно, затаив дыхание?

Неизвестно, сколько бы Митек наблюдал за ними, открыв рот, но тут рядом отмер его напарник, выругавшись тоскливо и грязно.

Митек не понял таких эмоций, повернулся, чтоб сказать, что знает эту бабу, но Коля опередил:

– Сууука… – простонал он, не отрывая взгляда от монитора, где мужчина все еще никак не мог оторваться от беспомощной женщины, опять целуя ее в губы,

долгим жарким поцелуем, полностью укрыв хрупкую фигуру своим крепким телом, так, что охранникам в камеру виднелись только светлая макушка и поднявшиеся на цыпочки ноги в узкой офисной юбке, – Носорог… Нам пиздец…

– Кто? – Митек пропустил мимо ушей последнюю фразу, жадно разглядывая парочку, – это Паша Носорог? Это он? А она тогда кто? Его баба?

– Не знаю, кто она. И знать не хочу. Бля. Попали мы с тобой, Митек. Попали.

Коля без сил повалился в кресло, уже без интереса, с ненавистью разглядывая целующихся на парковке людей, перевел взгляд на напарника, еще ничего не вкурившего по молодости и глупости:

– Это Носорог. И нам пиздец. Ты слышишь меня? Мы не должны были этого видеть.

– А че такова? – не понял Митек, – ну баба, ну выебет он ее щас на парковке… Стой! Надо запись сохранить! Потом в сеть выложу! Прикинь, сколько просмотров соберу?

– Дебил, – Коля покачал головой, прекрасно понимая, что работает здесь последний день, и никак не препятствуя напарнику. Все равно не успеет.

Тут на парковке Носорог оторвался от своей женщины, и, резко развернувшись, в упор глянул прямо в объектив следившей за ними камеры. Так глянул, что Митек почувствовал внезапную слабость в ногах и порадовался, что их разделяет целый этаж. Потому что даже через камеру взгляд бил, как кулак, прямо в грудь. И сердце останавливалось. И дыхание перехватывало.

– Нихера себе… Вот это он смотрит… Не удивлюсь, если баба в коме вообще… И так, в коме, перед ним ноги и раздвинет…

– Заткнись, дебил. Не усугубляй. – Коля покосился на монитор, где Носорог уже шел к машине, прихватив за локоть вяло перебирающую ногами женщину и другой рукой прижимая к уху сотовый.

– Да ты че? Испугался что ли? – Митек активно шерудил на пульте, копируя запись, – щас… Щас…

– Не делай этого, дурак, – Коля, впрочем, даже не пошевелился, чтоб остановить, словно потеряв интерес ко всему происходящему, – хуже будет…

– Да че будет-то?

Коля достал из шкафа бутылку водки и хлебнул прямо из горла. Разговаривать с напарником больше смысла не было.

– Это, бля, кто еще? – удивленно вылупился на промелькнувшие темные фигуры Митек, отвлекаясь от записи, которую уже успел перекачать себе на телефон в нарушение всех инструкций. – Это как они прошли? И куда?

– К нам, дебила кусок, – Коля рассмеялся пьяно и отшвырнул пустую бутылку в угол, – встречай!

Митек не успел ничего ответить, потому что в этот момент дверь охранки, запертая изнутри на серьезный такой замок, распахнулась…

На следующее утро, вызванная ночью по тревоге сменная охрана долго обсуждала дебилов-напарников, нажравшихся на рабочем месте паленой водки и угодивших в реанимацию. Как они умудрились при этом ноги-руки поломать и сотрясы получить, вообще непонятно… Теперь не скоро выпишутся. А когда выйдут, то ни в одно приличное место в городе их не возьмут с такой-то репутацией. Но другим пример. Нельзя пить на рабочем месте, нарушая внутренний распорядок и трудовой кодекс.

Глава 2

Ворота здоровенного особняка, перед которыми я переминалась уже минуту, поглядывая просительно в камеру внешнего наблюдения, были шикарными. Кованными, красивыми такими. Как и все здесь.

Я, правда, особо не успела рассмотреть, да и сейчас не горела желанием. И не видеть бы никогда. Великолепия этого. А, особенно, его бешеного хозяина.

Но, тут уж ничего не поделаешь. Попала, блин.

Я порылась в сумочке, прикурила, поежилась от свежего воздуха. Не готова я все же к забегу на короткие и уж тем более длинные дистанции.

Каблуки, узкая юбка, короткая летняя куртешка.

А, похоже, придется. Если ворота сейчас не откроют, буду штурмом брать. Как солдаты Зимний дворец. Прям вот по этим кованым цветочкам и полезу.

Я затянулась еще раз, глубоко, чувствуя легкую дурноту. С непривычки закружилась голова. Бросила я пару лет назад, когда дороговато стало удовольствие. Но дежурную пачку в сумке имела. На всякий крайний случай. Вот он и наступил. Крайнее не бывает. Дальше только шаг. За край.

Или я его уже сделала?

Топнула ногой. Опять глянула в объектив, уже требовательно.

Ну давай, мужик, давай…

Не будешь же ты из-за такой мелочи, как я, беспокоить хозяина? Он явно не любит, когда его тревожат. Особенно после ночи бессонной.

Тут сразу припомнилось, как спешно одевалась, поглядывая на раскинувшего мощные татуированные руки на всю ширину кровати, мужчину, как старалась не шуметь, разыскивая разбросанные туфли и кладя хер на нижнее белье, все равно не пригодно к носке, плевать, пусть сувенир ему остается, как на цыпочках выходила, даже не рискуя прощальный взгляд бросить…

Чтоб не почувствовал, не проснулся… Потому что в этом случае рисковала очень сильно еще неизвестно насколько в его особняке подзадержаться. А мне домой. У меня Ленка уже, наверно, проснулась. И теперь в засаде сидит. Я б тоже сидела, после вчерашней моей смс, о том, что дома не ночую и ложись спать.

Сеструля в курсе, что для меня это поведение совершенно нехарактерное. Поэтому и ждет. И надо еще ей что-то говорить. И еще придумать причину, по которой я из «Стройинвеста» увольняюсь.

И чтоб правдоподобно.

Конечно, можно сказать правду. Но это мало относится к категории реальности.

Ни в какой реальности потому что такие, как мой сегодняшний любовник, не обращают внимание на таких, как я. Ни в одной. Ну, кроме сказок, конечно. Но это вообще не мой вариант, опять-таки.

Я и сама не верю.

До сих пор.

Несмотря на отчетливую ломоту послесексовую во всем теле, на натертые щеки, истерзанные губы, веник на голове и синяки на запястьях, короче говоря, на все материальные подтверждения.

Мозг не воспринимает.

Как вот перестал еще вчера функционировать, так до сих пор в себя и не пришел.

Ровно с того самого момента в коме, как я в лифте Пашу Носорога увидела.

И обалдела.

Нет, то, что я на него работаю, как и все остальные в этом здании, я прекрасно знала, не настолько уж беспросветная дура.

Но за три года работы видела я его ровно два раза.

Причем, первый раз вообще издалека.

Я как раз только месяц как устроилась, тащила какие-то бумаги, и на первом этаже услышала низкий такой, хриплый, носорожий рев. Испугалась, подпрыгнула, чуть не растеряв папки, глянула на источник шума, как раз заходящий в лифт вместе со своими, порядком сбледнувшими с лица, подчиненными.

Паша говорил по телефону, и из цензурных в его речи были только междометия.

На тот момент для меня, дочери филолога и инженера, людей высокоинтеллектуальных, это было шоком. Я, открыв рот, смотрела, как Паша, высокий, очень крепкий мужчина, с короткой стрижкой и злым, недовольным лицом, заходит в лифт, продолжая рычать на кого-то по телефону так, что у всех присутствующих, включая меня, в буквальном смысле рукотрясение начиналось.

А потом он неожиданно поймал мой взгляд. И вот тут я внезапно поняла, почему он Носорог. Нет, не из-за каких-то там побед на ринге, или стиля ведения бизнеса. Нет. По его взгляду было ясно любому, что у человека стопарей нет. Просто отсутствуют. И, скорее всего, задней скорости тоже. Он смотрел, словно… Ну не знаю, сразу ударял. Прямо в сердце куда-то. Заставляя все внутренние органы сжиматься и прятаться друг за друга. Только чтоб не зацепило. Только чтоб пронесло. Потому что это реально было… Даже не страшно. А вот просто… Давяще. Жестко. И, черт, да! Страшно. Очень страшно. Я представила, как он таким вот взглядом упирается в оппонентов на встречах, переговорах, там, всяких… И поняла, откуда успехи в бизнесе. Сложно сказать «нет» человеку с таким взглядом, не рискуя в следующее мгновение не нарваться. На что угодно. Без предсказуемых вариантов.

Тут двери лифта захлопнулись, и все в фойе дружно выдохнули. Да, Паша так действовал абсолютно на каждого.

Я тогда так перепугалась, что даже сомневалась, стоит ли мне здесь работать. Когда такой зверь всего лишь через десять этажей от меня.

Но на тот момент лучше работы в городе не находилось, а на руках у меня была сестра-подросток в самом расцвете переходного возраста со всеми сопутствующими этому прелестями. Поэтому я отбросила в сторону ненужные страхи.

Ну, в самом деле, что за глупости? Какое дело такому, как Паша Носорог, до скромной бухгалтерши, мирно ведущей кдп многочисленных предприятий его холдинга? Да никакого. Мы и не встретимся никогда больше.

Я осталась работать и какое-то время тихо радовалась своей удаче. А особенно, когда зарплату начала получать. Хорошую. Белую! Это такая редкость для нашего города!

Время шло, я работала, постигая подводные камни профессии. Хотя чего там постигать, когда основной подводный камень был прямо на поверхности. Не подводный, короче говоря.

Мое начальство, главный бухгалтер холдинга, Максим Юрьевич, поначалу очаровавший меня своими интеллигентными манерами и внешностью доброго плюшевого коалы, после полугодового приглядывания, появил свою скользкую сущность. Знаете, есть такие камни в реке, валуны, внешне крепкие, а встанешь – и поскользнешься. И унесет тебя течением. Вот примерно так меня и понесло.

Потому что Максим Юрьевич, несмотря на семейное положение и наличие троих детей, оказался тем еще блядуном, переимевшим всех своих подчиненных, кроме, пожалуй, Валентины Степановны, женщины преклонных лет, мирно сидящей на первичке. Да и насчет нее я была не до конца уверена…

Ко мне он подкрадывался, как кот, на мягких лапах, а когда подкрался, наконец, и обозначил свои намерения, получил по физиономии жесткой папкой с личными делами строителей. А было их там примерно под четыре сотни. Увесистая такая папка…

После этого на меня обиделись. Решили, что я неблагодарная тварь и мерзавка. Но не увольняли. Потому что я повода не давала, поймав вкус хороших и, самое главное, так необходимых мне на тот момент денег. Но и ответочку я получила по полной, конечно же.

Теперь все участки уходящих на больничный, в отпуска и декрет, автоматически переходили мне. Ну а чего бы и нет? Ротация кадров, взаимозаменяемость и прочие лозунги корпоративной жизни. Не хочешь – вали. Я не хотела. Но уходить было некуда. На тот момент я успела влезть в ипотеку, Ленка заканчивала

школу, и ценник за выпускной вывалили конский.

Короче говоря, я сцепила зубы и впряглась. Оставалась после работы, потому что не успевала ничего, а руководитель очень любил вызвать меня на ковер и долго иметь в мозг, раз уж другие части тела были ему недоступны.

Работа превратилась в каторгу. Правда, платили по-прежнему хорошо. Даже и без сверхурочных, мне положенных, но не оплачиваемых.

Уставала, конечно, адски, Ленка добавляла веселья, прямо на глазах превратившись из неуправлямого подростка в неуправляемую дрянь, с модельным ростом и внешностью. И такими же запросами.

Я проводила долгие воспитательные беседы, несколько раз с применением подручных средств, потяжелее, а затем махнула рукой. Своя голова на плечах. А у меня уже сил нет. Сунула коробку с презервативами и выпинула в жизнь. Сестра удивилась и обиделась. И ушла. Шлялась где-то две недели, а затем вернулась домой. Тихая такая, спокойная. Я поприглядывалась немного, не залезая в душу, но и не закрывая глаза. Особенно хотелось выяснить, не поменяется ли фигура месяцев через несколько.

Но нет. Похоже, пригодились презервативы.

Так и жили.

Я – пропадала на работе, стиснув зубы, и особо не строя далекоидущих планов, потому что двадцать лет ипотеки и так уже все очень четко за меня спланировали. Ленка – делала вид, что учится, продолжая лазить где-то по ночам, но уже по-тихому, без фейерверков.

И, пожалуй, это было самое спокойное время в моей жизни, после смерти родителей.

И так бы и продолжалось, если бы мне и дальше везло.

А вот не повезло.

Глава 3

С Носорогом я столкнулась второй раз примерно месяц назад.

Какого черта Биг Босс спустился со своих эмпирей к нам на пятый этаж, и что такого он хотел сказать главбуху лично, не дожидаясь, пока тот принесет свой толстый зад на пятнадцатый, не знаю.

Я как раз выходила из его кабинета, обрадованная дополнительным участком ушедшей на больничный коллеги и уныло прикидывала, сколько часов сверхурочно мне еще придется здесь просидеть, когда уткнулась лицом во что-то твердое и нереально приятно пахнущее. Прижала к себе папки с документами покрепче, подняла взгляд из-под компьютерных очков.

Мама дорогая! Носорог! Стоит! Смотрит! Стрррашно!!!

Ноги сами подкосились, я дрогнула на каблуках, и Паша придержал меня за локти, чуть прижав к себе. И глядя. Неотрывно глядя на меня! Ужас какой! А я и застыла, как мушка в янтаре, глупая, под этим его черным взглядом, не могла глаз отвести и не моргала даже, кажется. Не знаю, был ли открыт рот, не помню, истерся это ужасный момент из головы, но, наверно да. И, скорее всего, вид у меня был на редкость идиотский. По крайней мере, Паша смотрел странно. Я не уверена, что удивленно, потому что эмоции на его лице прочесть было невозможно. Но явно с каким-то… Выражением. Я хлопнула губами, пытаясь что-то выдать, хотя бы «здрасте» сказать, а меня уже отстранили, как табуретку, с пути убрали, и только дверь кабинета хлопнула.

А через секунду раздался оттуда такой матерный рев, что я, разом опомнившись и ощутив резвость в ногах, пискнула и понеслась прочь, словно за мной черт гнался. Или носорог.

И потом до конца рабочего дня не могла из головы выбросить своего работодателя. Его суровое жесткое лицо, крепкий захват железных пальцев на моих локтях, терпкий аромат парфюма. Черный жестокий неулыбчивый взгляд. И тело отзывалось на мои мысли неконтролируемой дрожью. Ужаса, скорее всего.

Но потом я успокоилась, и гора работы, а особенно, неожиданный привод в полицию моей бешеной сестрички, нажравшейся в общественном месте и плюнувшей полицейскому на фуражку, этому очень сильно способствовали. Нашлись более приземленные причины для волнения. А всякую эфемерную чушь, вроде замораживающе ужасных глаз своего работодателя, я выкинула из головы.

Да и было бы, о чем вспоминать…

Он-то, судя по реакции, вернее, ее отсутствию, явно обо мне забыл ровно в ту же секунду, что и взгляд отвел…

И это хорошо. Очень хорошо. Как часто цитировала мама: «Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»… Не помню, откуда это, но вот вообще ничего не изменилось с тех пор.

Не надо и гнева барского. И любви.

Вот поэтому я и впала в ступор вчера, когда лифт внезапно поехал вверх, явно самостоятельно оценив приоритетность вызова, чего раньше за ним не водилось, и в раскрывшиеся двери вошел Паша Носорог.

Глянул на меня мельком, но так, что я отшатнулась в угол, и так там и встала, унимая мелко подрагивающие коленки.

Черт, черт, черт!

Угораздило меня!

Кофе в моей руке был горячим, но я не чувствовала этого совершенно. Потому что, вопреки инстинкту самосохранения, не могла отвести глаз от как всегда мрачного и жесткого лица Носорога. Лихорадочно соображала, как теперь быть, что надо сказать. Ведь надо же? Надо что-то сказать? Хотя бы поздороваться? А как? Я же с ним не знакома? Хотя, опосредованно его знают все, кто работает здесь. В конце концов Паша – именно тот, кто платит… Если не поздороваюсь, вдруг воспримет, как неуважение?

Короче говоря, я нагнетала в себе панику со свехзвуковой скоростью и успела чуть ли не в обморок упасть, а двери еще даже захлопнуться не успели!

Паша был совершенно невозмутим, спокоен, и вроде бы даже и не смотрел на меня, и не ждал, скорее всего, ничего… И, может, не замечал совсем… А я уже успела мысленно провалиться прямо до первого этажа, прикинула, как буду вставать на биржу труда после увольнения за нарушение корпоративной этики (какой? какой?), и сжать проклятый стаканчик до боли, не чувствуя, что обжигаюсь.

А потом Паша неожиданно провернул номер.

Он посмотрел на меня. Молча. В упор. С тем же непонятным выражением в глазах, что и месяц назад.

Я застыла. Даже коленки перестали дрожать. Пальцы обожженные на стаканчике заледенели. Сердце замерло. Вот реально, даже не стучало, как мне кажется, затихарившись от ужаса.

Взгляд его жестких, черных глаз был очень… Настойчивым. И я не хотела узнавать то выражение, что клубилось на дне его зрачков. Но узнавала. Узнавала! И пугалась еще больше. Если до этого был просто ужас, то вот теперь, когда стало понятно, о чем он думает, глядя на меня, я поняла, что все, происходящее ранее, было так себе. Слабым отголоском наступающего тотального краха.

Или, как бы сказала моя бедовая сеструля, окончательного пиздеца.

Лифт шел вниз, отчего-то крайне медленно, до жути медленно, я жалась в угол, не смея отвести глаз от его жесткого непроницаемого лица, Паша Носорог задумчиво оглаживал мою замершую в испуге фигуру внимательным взглядом, словно решая, что делать со мной дальше. И, кажется, вариантов у него был вагон с прицепом.

Глава 4

Я, собрав все силы, решила все же перестать демонстрировать рабский ужас, и хотя бы сделать вид, что я человек, и попыталась отвернуться. Со скрипом. С постоянным ощущением того, что делаю что-то не то.

Но смогла. Удивительно просто! Лифт ехал. Взгляд мой, с трудом сместившись с Пашиного лица на кофе, там и застыл. Рука дрогнула, потому что мозг отмер и решил показать свою самостоятельность, скомандовав как можно более независимо отпить кофе из стаканчика.

А что? Отлично можно показать, что не чувствую онемения сразу во всех мышцах от его изучающего взгляда.

Я поднесла стаканчик к губам, взгляд напротив стал откровенно насмешливым. Ах ты ж! То, что он прекрасно меня понимает и просчитывает все мои мотивы, стало очевидным и постыдным открытием. Это что же, он всех так хорошо читает? Или у меня, у дурочки, просто все на лице написано?

Я не успела понять, какой вариант реальнее, когда лифт тряхнуло. Несильно, но основательно.

И стаканчик медленно, как в слоу мо, выпал из моих, поверивших в себя пальцев, полетел на пол… И усеял хромированную кабинку брызгами кофе.

И ладно бы кабинку! Пашиным джинсам тоже перепало! И туфлям, стильным, идеально начищенным, и, скорее всего, стоившим половину моего ипотечного жилья.

Я, скованная ужасом, просто не думала даже, что делаю. Сначала раскрыла рот, в ужасе наблюдая падение и его результаты, перевела взгляд на ботинки и джинсы работодателя, выше не посмела посмотреть, зная, что тут же умру от ужаса, а затем быстро достала дрожащими руками салфетки из сумки и, низко наклонив голову, опустилась на корточки, чтоб вытереть кофе, бормоча без остановки:

– О боже, простите, простите меня, я случайно, я не хотела, я сейчас все вытру, следов не останется, простите, простите…

Я вытирала капли кофе с джинсов, сердце замирало от ужаса, потому что видела, что следы остаются, кофе этот автоматный ядовитый, какой только химии там не льют, а джинсы дорогие, и ботинки еще дороже, и сама ситуция ужасная, как бы сказала Ленка, пиздец пиздецовый, ужас, ужас, пальцы дрожали, ноги подламливались, потому что на корточках неудобно, но я не сдавалась, склонившись, оттирая салфетками проклятый кофе и бормоча, бормоча, бормоча…

А потом внезапно подняла голову. Зачем? Зачем я это сделала? Не знаю. До сих пор не знаю. Боялась ведь, до жути, до обморока, а все равно посмотрела.

И опять застыла. Потому что Паша стоял молча, глядя на меня уже не так, как до этого. Хуже, гораздо хуже! Страшнее. Придавливая меня этим своим взглядом, как плитой бетонной, и, даже если бы я решила сейчас подняться, то ничего не получилось бы.

А затем он приподнял меня за подбородок властным жестким движением. Наверно, подумал, что я хочу взгляд отвести.

Я хотела. Но не могла.

Я открыла рот, чтобы в очередной раз извиниться за загубленные джинсы и обувь, но Паша провел большим пальцем по моим разомкнувшимся губам, и чуть-чуть протолкнул палец внутрь. Я обомлела. Вот реально, даже не понимала, что происходит. Все мысли вынесло прочь. Только ужас остался. Сердце стукнуло отчетливо пару раз так сильно, что стало больно. И остановилось. И все вокруг остановилось. Не было медленно движущегося лифта, не было постронних шумов, катающегося по полу стаканчика…

Ничего.

Только он и я.

Паша смотрел на меня, сводя с ума зрелищем быстро чернеющих, мутнеющих, обволакивающих глаз, мягко и аккуратно гладил большим пальцем по внутренней поверхности нижней губы, жестко придерживая подбородок, чтоб не вздумала отвернуться.

Но я и не думала. Отстраненно, с непреходящим, но уже таким знакомым, можно сказать, родным, ощущением бесконтрольного ужаса, заволокшего полностью сознание, осознавала, как от взгляда его, от скольжения пальца в моем рту, от отражения нас в хромированных поверхностях и зеркалах лифта, становится жарко. Нет, не жарко. Это вообще не определение для того, что я испытывала в тот момент!

Это как сравнивать жар от печки и жар от вулкана, с текущей раскаленной лавой. В первом случае горячо, но не смертельно. А вот во втором. Смертельно.

Вот так и у меня было. Ощущение гибели, падения, туда, в жерло вулкана, в жерла его черных глаз, понимание, что сейчас происходит нечно ужасное и окончательное. То, после чего я не буду прежней.

Глава 5

Паша глухо выдохнул, пробормотал что-то еле слышно и нажал кнопку остановки лифта.

В тот момент, когда он на милисекунду отвел взгляд, чтоб вырубить лифт, я немного очнулась и сделала попытку встать.

Но раздался низкий звериный рык:

– Стой как стоишь.

Он отразился эхом от стен лифта, заставляя прекратить любое движение.

Я застыла. Палец во рту немного нажал на нижнюю губу, раскрывая шире, проталкиваясь внутрь.

– Хорошая какая девочка… – его голос, тихий, спокойный, задумчивый какой-то, ударил по нервам сильнее, чем рычание до этого. Потому что в нем уже было понимание того, что будет дальше. Принятое окончательно решение о том, что он со мной сделает. И я никак на него повлиять не могла. Даже если бы и

хотела.

Я была ошарашена и испугана настолько, что даже не думала ни о чем, воспринимая происходящее на чисто инстинктивном уровне, как животное. И реагируя так же.

Вот сейчас, например, глубинные, принесенные из каменного века инстинкты повелевали не шевелиться. И подчиняться. И тогда все будет хорошо.

Бугор в его джинсах, прямо напротив моего лица, был серьезным. Внушительным. Я, не понимая, не допуская в мозг ни одной мысли, чтоб от ужаса с ума не сойти, уже знала, что будет дальше. Так же, как и он. Это знание концентрированно воронкой окутывало нас в маленьком тесном помещении, не давая полноценно вздохнуть, прийти в себя от морока. Мне – выйти из оцепеняющего, давящего влияния Паши, ему – вернуться в нормальный мир, где женщина – не добыча, не самка, которую достаточно загнать в угол, чтоб поиметь.

Наверно, мы оба оказались заложниками ситуации.

Именно так я впоследствии оправдывала свое бездействие. Непротивление.

И его действия. Его напор.

– Расстегни.

Я дрогнула, машинально смыкая губы и прикусывая его палец. За это меня наказали чуть более жестким хватом подбородка.

– Давай.

Голос стал еще тише и страшнее. Взгляд не отпускал меня ни на секунду, подчинял похлеще голоса. Он, наверно, мог бы и не говорить ничего. Не требовалось при такой тяжести, что давила меня, не позволяя даже начать думать.

Я протянула дрожащие пальцы и медленно расстегнула болты на джинсах.

Белья он не носил. И член, освобожденный от оков одежды, выглядел еще внушительнее, чем до этого угадывался. Я коротко выдохнула и нечаянно втянула ноздрями его терпкий запах. Не противный. Совсем нет. Просто непривычный, мужской.

Он уловил мой незаметный вдох, хищно дрогнул ноздрями, глаза стали еще темнее, тяжелее.

– Оближи.

И короткий перехват ладонью, за затылок. Предварительно вынимая палец. Освобождая мой рот. Для другой работы.

Я не могла ничего сказать. Может, если бы в голове появилась хотя бы одна мысль, то я бы попыталась. Честно, попыталась бы уклониться, разжалобить. Рассказать, например, что я не особо опытна в этом деле, что у меня за всю мою жизнь было только два парня, да и то давненько, еще до смерти родителей, и минет не входит в перечень моих постельных умений… Да много чего могла бы рассказать… Но мыслей не было. Совсем. А Паша был. Его запах был, его жажда была, его подчиняющий взгляд был. И короткий, совершенно однозначный нажим на затылок.

Я открыла рот и облизнула головку. И почувствовала, как он дрогнул. Крупно, всем телом. Выругался сквозь зубы. Еще раз надавил на затылок, приказывая действовать дальше.

Я сомкнула губы на члене и сделала первое пробное движение. Он сразу надавил сильнее, побуждая взять глубже. Я, чувствуя, что сейчас задохнусь, каким-то чудом умудрилась расслабить горло и задышала носом, окончательно дурея от его запаха, теперь еще более сильного, возбужденного. Член скользнул глубже, мой мучитель вздрогнул еще раз, опять выругался. Приказ шепотом, гулким и страшным:

– Давай, девочка.

Я закрыла глаза и подчинилась. По сути, мне ничего делать не надо было, он все делал сам. Сам двигался, трахая меня в рот, не жестко, не грубо, но сильно, в

одной, все нарастающей амплитуде, ладонь на моем затылке сжалась, собирая волосы в горсть, не давая возможности отклониться, отдышаться. Я подчинялась. Стояла на коленях перед ним, из сомкнутых глаз текли слезы, еле ловила вздохи между движениями, придерживала машинально его за пояс джинсов, в голове все плыло, и, казалось, что вот-вот потеряю сознание. От ужаса, от невозможности, ирреальности ситуации, от его напора, от своего подчинения.

– На меня смотри.

Голос, уже не тихий, с отчетливым рычанием, сбитым дыханием. Я открыла полные слез глаза, послушно глядя на него. И вздрагивая вместе с ним. Потому что настолько ярко, настолько мощно он траслировал свои эмоции, заставляя подключиться, заставляя ощущать отголоски его удовольствия. Мне было жарко, душно, плохо, тяжело, унизительно. И остро-горячо. Так остро, что бешено стучащее сердце, кажется, прорубало грудную клетку, выскакивая наружу. Настолько горячо, что тело пылало, я не могла дотронуться, так обжигало. И когда, не сводя с него взгляда, повинуясь всем движениям, безотчетно оторвала руку от его джинсов и провела по своей груди, то буквально ломануло судорогой, такой мучительно-тянущей, жестокой и горячей, что ноги сами расставились еще шире, поясница выгнулась, и слезы из глаз полились еще сильнее. Он увидел это. Увидел в моих распахнутых глазах, в моем напрягшемся теле, и, кажется, это послужило катализатором, потому что он сделал еще одно, очень резкое, движение и кончил. И держал меня, заставляя глотать.

И да, я не сопротивлялась и здесь.

Затем он отстранился, посмотрел на меня все еще бешеными глазами, в которых гуляли отголоски оргазма. Поправил одежду. Нажал кнопку запуска лифта.

Я не двигалась. Только голову опустила, вытирая измученные губы ладонью. И приходя в себя. Оглушающе быстро и жестко.

Ну что, Полина, пиздец?

Пиздец.

Без вариантов.

Я не ждала ничего. Вернее, нет. Ждала. Что откроются двери, он выйдет прочь. Не посмотрев на меня больше. А зачем смотреть на использованный презерватив? На проститутку, годную только для того, чтоб в рот спустить?

Хотя, какая я проститутка? Мне даже не заплатили. Из горла вырвался смешок. Сдавленный и хриплый. Я закрыла глаза, не двигаясь, не отслеживая больше его взгляд, его движения.

Похуй. Вот похуй, Полина, дочка очень интеллигентных родителей. Сейчас лифт приедет, он выйдет, а я останусь. И поеду наверх. Или не поеду. Вызывать-то некому, в здании, кроме охраны, никого. Значит, так и буду сидеть. Хорошо бы прямо здесь и сдохнуть. Не приходя в сознание.

Тут меня рывком подняли за плечи вверх, руки, жесткие и тяжелые, прошлись по талии, придвигая к крепкому горячему телу, подбородок опять попал к капкан цепких пальцев.

Глаза. Его глаза, такие же жгучие, острые, жесткие. Не презрительные. Не равнодушные. Внимательные. Оглядел мое запрокинутое лицо с дорожками слез на красных щеках, с распухшими губами.

Наклонился, целуя, глубоко и бесстыдно. Нисколько не заботясь о том, где был мой рот буквально полминуты назад, вылизывая, не заставляя отвечать, а, как и до этого, просто не оставляя шансов на неподчинение. Еще один секс. И тоже оральный. Только рот в рот.

Одной рукой прижал за талию, другой грубо полез под юбку, провел пальцами по белью, собирая неожиданную влагу стыдного возбуждения, заставляя вздрогнуть опять, ослабнуть в его объятиях, уже принимая все, что делает.

Оторвался от губ, посмотрел опять в глаза.

– Боишься?

Не смогла ответить. И кивнуть – тоже. Только намек, только малюсенькое, безотчетное движение. Не головы. Тела.

Усмехнулся, а глаза-то по-прежнему дурные, чернущие, жесткие, шарят по лицу, не отпускают ни на секунду. Держат крепче, чем руки.

– Не бойся. Поздно уже.

Да, поздно… Это точно. Раньше надо было бояться. Когда в лифт заходила. Или еще раньше. Когда работать сюда пришла. А теперь и в самом деле поздно.

Двери распахнулись, выпуская нас на подземную парковку.

Носорог вывел меня за локоть, отпустил, прикуривая. Я, оглядываясь, безотчетно сделала шаг назад. Убежать хотела? Да нет, наверно. Просто воздух, пропитанный бетоном и машинами, странным образом немного освежил, снял вязкий, терпкий дурман секса, что витал в лифте. Я по-прежнему ничего не понимала, не соображала, что делать дальше, как себя вести. И мозги вообще не хотели включаться. Только тело командовало, врубая инстинкт самосохранения. Подальше. Немного подальше. Поздновато, конечно, но хоть так.

Но Паша, сразу оценив мое состояние, не дал прийти в чувство, опять дергая на себя и целуя. Уже жестче, уже грубее, уже напористей.

И все. И опять я потеряла себя полностью в его руках. Сначала просто подчиняясь, а затем… А затем отвечая. Слабо и тихо, но ему и этого хватило, чтоб сойти с ума и начать терзать мое тело своими губами, исцеловывая щеки, скулы, шею, дергая ворот блузки, чтоб добраться до плеча. Каждое касание – как ожог, как удар, как укус! Он словно сжирал меня заживо, не оставляя шансов на осмысление, спасение от его напора, от его страсти.

Никакой воли, никакой возможности не ответить…

И, даже если бы он захотел меня прямо тут, на парковке, поиметь, я бы явно не смогла оттолкнуть.

Он сам остановился. Коротко глянул через плечо, хмыкнул и потащил меня за локоть к машине, черному, навороченному до невозможности внедорожнику, навевающему смутные воспоминания о том времени, когда похожие на эту машины разъезжали по нашему городу, возя новых хозяев этой жизни. Потом

сменились хозяева. И машины.

Но Паша, похоже, этот момент пропустил. Потому что его корабль, хоть и был последней модели, но формами остался верен прошлому.

По пути Носорог набрал достал трубку и рявкнул негромко и повелительно:

– Охрана центра, камера парковки, решить вопрос.

Я, не особо соображая, просто фиксировала в памяти происходящее.

Вот мы в машине, Паша садится за руль, выезжает с парковки, опять закуривает.

Я сижу на соседнем сиденье, плотно сжав коленки и глядя перед собой. Не спрашиваю, куда едем. Все равно не смогу скорректировать маршрут.

Только понимаю, что из города.

Ленка!

– Мне надо домой…

– Ждут?

Он не смотрит на меня. Перед собой только. Но рука его тяжело и определяюще ложится на колено. Без разницы, кто меня ждет. Отпустит только, когда сам решит.

– Да…

– Муж?

Ладонь сжимается. Больно. Жестко.

– Сестра.

– Сколько лет?

– Двадцать.

– Напиши, что сегодня не ночуешь дома.

Ладонь расслабилась, прошлась по ноге вверх. Заглушая своей тяжелой властностью полыхнувший по щекам страх от спокойного приказного тона. Паша явно не ждал возражений. И он их не получил.

Я набрала сообщение, не попадая дрожащими пальцами по буквам. Телефон тут же зазвонил. Отклонила. Потом вообще выключила звук.

Смысла не было отвечать. Я и сама не знаю, куда и зачем.

Хотя, нет. Зачем – знаю.

Глава 6

Ворота открылись внезапно и настолько бесшумно, что я какое-то время просто тупо смотрела на пустую дорогу, не веря своим глазам.

А потом перевела взгляд на молчаливый глаз камеры наблюдения, кивнула коротко. И рванула.

Отбрасывая прочь сигарету и одновременно активизируя приложение вызова такси.

Господи, надеюсь для разработчиков этого приложения есть отдельное облако на небесах! Потому что так выручает! Вот не в курсе, где я, но есть локация! И, оказывается, есть машины неподалеку! И одна уже спешит ко мне.

Счастье какое, Господи!

Я повалилась на сиденье и закрыла глаза, наконец-то немного расслабляясь.

Пытаясь прийти в себя.

Взгляд опять упал на запястья с четкими, уже синеющими отпечатками пальцев.

Проклятый Носорог! Совсем не рассчитывал силу. Хотя, в тот момент я не чувствовала боли. Совсем. Даже испытывала какое-то иррациональное удовольствие от своей скованности, невозможности сопротивляться. Болезненное, такое сладкое удовольствие от подчинения.

Даже сейчас, вырвавшись от своего ночного мучителя, при одном только воспоминании о том, что он вытворял со мной, ноги сводило томной судорогой.

И ведь не хочу. И ведь страшно, по-прежнему дико страшно. А вот ничего с такой глупой реакцией тела поделать не могу. И этой ночью не могла.

А он понял, сразу все понял, скот.

Гнал, как сумасшедший, глаз с дороги прищуренных не сводил. И руку с моей ноги убирал только в крайних случаях. Словно придерживал, не давая ни секунды передышки. Чтоб прийти в себя. Опомниться. Запротестовать.

Хотя я очень сильно сомневаюсь, что мои протесты были бы услышаны. Уж явно не после произошедшего в лифте.

Тут мелькнула мысль, от которой пот прошиб холодный. Камеры. Мама моя! Камеры же везде! И в лифте тоже! Значит, охрана… Охранники! Они же все в реальном времени видели! В лифте! И потом, на подземной стоянке!

Я усилием подавила рукотрясение и подступившие слезы.

Вот и все, Полина. Если до этого ты еще сомневалась, увольняться, или нет, планируя посмотреть недельку, и, если Носорог не будет вспоминать, обращать внимание, то и можно дальше работать… То теперь точно все. Точно.

Потому что все сотрудники… Да я же теперь и в здание зайти не смогу!

Я согнулась, закрыла лицо руками, удерживая всхлипы.

– Девушка, вам плохо?

Голос водителя доходил с трудом. Плохо? Плохо??? Это не называется «плохо»! Это называется тем самым словом, которое я не употребляла до этого дня даже мысленно. До встречи с Носорогом в лифте.

– Да, мне плохо, – прохрипела я сквозь пальцы, – мне пиздец, как плохо…

– В аптеку? В больницу?

Как хорошо, когда рядом конкретный мужчина. Главное, чтоб не слишком конкретный…

– Нет, спасибо. Скоро доедем?

– Да, пять минут.

Я отняла руки от лица, вытерла выступившие слезы. Хватит. Сейчас домой надо. Там Ленка. Она меня в таком состоянии не видела еще. Даже на похоронах родителей. Там я собралась, нажралась таблеток и выдержала. Потому что Ленка. Она одна у меня. И я у нее. Хоть и дурочка она, конечно, бедовая. Но родная. А тогда еще и соплячка совсем была. Да и теперь… Не сильно умная.

Надо хоть в чем-то ей пример подавать. До этой ночи я справлялась. Худо-бедно. А теперь вот.

Проклятый, проклятый Носорог!

Полностью оправдывающий свое прозвище.

В самом деле, как носорог попер, не остановить, не упросить, даже слова не сказать поперек!

Просто не слушает! Просто не обращает внимания!

А ведь я пыталась! Точно, вспомнила!

В самом начале, только приехали когда к этому его особняку. Я вышла из машины, глотнула свежего, не отравленного его ядовитым дурманом воздуха, и пришла в себя. И шаг назад сделала. Как там, на стоянке. И сказать хотела что-то. Попросить.

Но он увидел и предупредил мои возможные движения.

Просто опять сгреб меня своими ручищами и поцеловал. Так, что ноги отнялись мгновенно! Подхватил и занес в дом, так и не отрываясь от моих губ.

И сразу же усадил верхом на какую-то высокую тумбу в большущем холле, раздинул ноги, треснула юбка, зарычал, оглядывая меня, одуревшую от его напора, темными жестокими глазами, а затем…

Затем все понеслось бешеной свистопляской, милостиво оставляя в памяти только обрывки картинок.

Треск нижнего белья, жесткий захват по талии, рывок. Боль. Внутри. Сильная, такая острая, что непроизвольно выгнулась спина, мучительно и ломко. Я вскрикнула, стиснула пальцы на плечах. На удивление, он притормозил, опять впился в мое лицо темным взглядом:

– Только не говори, что ты целка, бля!

Я не смогла ничего сказать, только головой помотала отрицательно. Нет. Не девочка. Просто давно не было никого. И это можно было бы спросить, прежде чем с такой силой загонять в меня член.

Да и вообще, моего разрешения можно было бы спросить… Но это не про Пашу Носорога.

Удостоверившись, что не первый, что это просто я такая маленькая там, тесная, он хмыкнул, сжал еще сильнее, до синяков, и жестко двинулся, выходя и опять впечатываясь на всю длину. А я опять вскрикнула. Потому что больно. Очень больно. И страшно. И жарко. И душно. И воздуха нет, совсем нет! Он не дает мне

дышать, без конца целуя, измучивая, двигаясь все так же грубо и жестоко, хотя уже легче, потому что скользит, потому что тело выдает реакцию, несмотря на всю дикость ситуации. Телу нравится его запах, дикий, самцовый запах возбуждения, телу нравятся его движения, его хватка, его жестокость. Глупое, глупое тело! Не слушает никаких воплей мозга, заглушает их мощной порцией эндорфинов, заставляя заткнуться, получив вкусненькое.

И я подаюсь уже вперед, в его руки, сама подаюсь, и в глаза смотрю, и ногти по шее мощной, так сильно, что следы остаются. И мозгу это нравится. Потому что Паше наверняка больно. И это хорошо. Это плата за мою первую, жесткую боль при проникновении. И ногами обхват сильный и собственнический, и стон сквозь зубы, ему в рот, и за нижнюю губу тоже жестко цапнуть, до крови, слизнуть и улыбнуться. И глаза в глаза. И умереть за секунду до него. Разорваться на тысячи частей. Крича и содрогаясь.

И сквозь тяжесть получившего свое тела, хриплый шепот:

– Нихера себе… Вот это да… А ну пошли в постель…

Он рывком вышел из меня, подхватил под попу, так и не опуская на пол, опять поцеловал жадно, я с наслаждением слизала кровь с прокушенной губы, и понес в глубь дома.

Опять целуя по пути, опять заводясь, стискивая все сильнее.

Надо ли говорить, что до кровати мы добрались не сразу? Надо ли говорить, что я окончательно отключила такую ненужную мне этой ночью мыслительную функцию?

Потому что все происходило не по моей инициативе. Но уже по моему желанию. И смысла думать не было. Никакого.

Мы не разговаривали. Абсолютно. Кроме тех грязных словечек, которые он употреблял, командуя в постели. Кроме моего сначала еле слышного шепота, становящихся все громче стонов, прерывистых вздохов. Я, оказывается, очень шумная, когда распаляюсь. Я и не знала. И отвязная. Потому что не противилась ничему. Он хотел, я соглашалась. Хотя в тот момент уже понимала на каком-то глубинном уровне, что могу и отказаться. Переключить на другое. Но не хотела.

Мне все нравилось. И руки, припечатанные тяжелой жесткой ладонью над головой, и жестокие шлепки по нежной коже, и грубые перехваты запястий и прикусывания плеч… Все, вот все, что он делал со мной. Зверь. Мучитель. Носорог, блин.

Теперь, сидя в такси, неподвластная его тяжелому влиянию, я понимала, что это просто такая защитная реакция. На насилие. На жестокость. На грубость. Опять же, из глубин веков пришедшая, атавизм. Да, мама, я знаю, что я плохая девочка, прошу, отвернись, не смотри на меня. И надеюсь, что ночью ты тоже не смотрела. Очень на это надеюсь.

Я вышла из машины и прошлепала в подъезд.

И, глядя в хитрые глаза сестры, которая и в самом деле уже проснулась и ждала меня с кружкой кофе и очень понимающим выражением лица, я только вздох подавила.

Глава 7

Паша Носорог

Носорог швырнул бумаги в угол, хотя очень сильно хотел в другое место. Например, в испуганную рожу финдиректора.

Но сдержался. Чего-то он слишком много сдерживается в последнее время. Зато потом срывается. И только пострадавших по углам собирай… Ошметками…

Но надо, надо. Нельзя уже, как раньше, просто, без разговоров уебать с ноги второго человека в холдинге.

Головастого, на самом деле, мужика. Очень умного. Гениального даже. До тупости.

Сигареты, долгий затяг, выдох.

В сущности, он даже не сильно виноват.

Никто ему не объяснил в его… Где он там образовывался? Короче, в его понтовой иностранной лошарне особенностей ведения русского бизнеса.

И того, что здесь, бля, не Москва.

И что все серьезные разговоры по-прежнему ведутся не в кабинетах.

– Ладно. Вася. Ладно.

– Павел Сергеевич… Там еще не все… Там еще можно…

– Нахуй иди.

Вася не заставил себя упрашивать. Побежал просто. Нечасто увидишь, как с такой готовностью идут нахуй…

Паша проводил его прищуренным взглядом. Развернулся в кресле, к огромному панорамному окну. Посидел. Подумал. Надо решать вопрос с новой площадкой для строительства, что так бездарно проебал Вася. Он не виноват. Он привык все по-нормальному делать. По закону. А надо по-правильному. По-местному. Достал телефон.

– Бать, где лазишь?

Начальник охраны буркнул, что уже поднимается.

Ну хоть кто-то что-то делает…

Паша потянулся, чувствуя приятную такую расслабуху в теле. Да, давно он так не кувыркался. Надо же, только под утро придремал. Уработала его блондиночка. Нечаянная лифтовая радость. Жаль, умотала утром. Ну ничего, ничего…

В дверь без стука вломился Батя, здоровенный бритоголовый мужик, старше самого Паши на пять лет, но выглядящий на полновесный полтинник. Хороший такой, рабочий полтинник. Тяжеловесный и опасный. В строгом костюме, со свободным кроем пиджака.

Уселся напротив, спросил взглядом разрешения, прикурил.

Помолчали. Паша курил, глядел на своего начальника охраны. Внешне очень спокойно и дружелюбно.

И Батя знал, что скрывается за этим спокойствием.

И на всякий случай отъехал вместе с креслом подальше.

– Да ты вообще за дверь выкатись, – насмешливо сказал Паша.

– Короче, там все сложно. – Сразу же выдал Батя, сунул сигарету в перельницу и показательно придвинулся к столу.

Типа, бесстрашный, бля.

– Там земля Вовы Черного была. А потом ее московский хуй выкупил. Официально. А Вова ее себе как пенсионный фонд приберегал.

– Пенсионер, хуле, – усмехнулся Паша.

– Ага… Короче говоря, Москва приехала, посадила своего казачка. Все вроде тихо было. А потом Вова решил, что это все неправильно. И полез обратно. Хотя бабки получил. И теперь там хер знает, что творится. Вова вроде как нихера не получал, а по документам получил. Москва не отдает это место. А Вова воевать готовится. И не надо бы лезть. Пусть сами бы разбирались.

Паша отвернулся. Косяк.

– Но тут наш Вася…

– Я понял. Вася по науке просчитал выгоду и пробил, чья это земля. По закону.

– Да. – Убито кивнул Батя, – и выкупил. Дурак. А Москва и рада до жопы.

– А ты где был?

– А я в отпуск ездил… На Бали…

– Ну красавец… Круто там, на Бали, а? На Бали…

– Паш…

– Я говорил, что, если я не в городе, то ты должен сидеть? И смотреть?

– Паш…

– Значит, так. Раз у нас Вася такой умный, что просчитал выгоду земли, значит, я ее хочу. Решайте сами. С Васей, бля. Вова Черный, конечно, тот еще сука, но это уже ваши проблемы. Бабло не дам. Уже заплатили. Решайте. И чтоб ни один мой человек не попал под раздачу.

– Паш… Вова в авторитете… Он даже на посмотрит на нас…

– Похуй. Или вы так и надеялись, что Паша вернется и порешает? А? Потому и затихарились, сучары? И дотянули хуй знает, до чего? И, самое главное, ни один хер мне не набрал! Обосрались? Думали, само рассосется? Обратно в жопу впитается?

Тут Паша почувствовал, что заводится, заметил белые глаза Бати и понял, что перегнул палку. Он так своего человека до инфаркта доведет. А это нельзя. Работать не с кем будет. Этот хоть и тугодум, когда не надо, но свой в доску.

– Ладно. По этому вопросу все. Выяснил?

Физиономия Бати из багровой стала обретать свой естественный оттенок, в глазах зажглись веселые огоньки.

Он порылся в телефоне, что-то скинул.

– У тебя в почте.

Помедлил.

– С фотоотчетом. И видео. Из лифта.

Паша медленно поднял взгляд от монитора, не успев зайти в почту.

– Ненене! Паш! Никто не смотрел! Ты ж моих знаешь! Как только поняли, че к чему, сразу отключились. Но там хватило. Но, само собой, никто. Петушат в охранке уже решили. Там вообще ничего, кроме парковки.

Паша начал изучать документы.

Пока только досье. И временно забыл про подчиненного, который, придя в себя после выговора начальства, с удобством расположился в кресле и опять прикурил. Поглядывая на Пашу весело и по-доброму.

Так… Мелехова Полина Андреевна. Двадцать пять. Три года здесь работает. Странно, что раньше не видел…

Вот только недавно, у офиса Пузыря. Там даже полапал немного. И в глазки посмотрел испуганные. Хорошенькая девочка. Отметил и забыл. Слишком уж был зол на старого козла. Пока душу отводил, совсем она из головы вылетела.

А вчера…

Паша развернул вкладку с фотками. Личное дело. Такая серьезная смотрит. Блондиночка, натуральная. Это он вчера проверил. Губки бантиком, глазки хитрые. Лисичка.

Правда, вчера, в начале вечера такая испуганная была. Ну, это его косяк. Уж чего-чего, а пугать умеет.

Хотя, на самом деле, ничего такого не хотел. Не планировал. Ехал себе спокойно домой. Усталый.

Потому что только прилетел днем, сразу на работу, пока разгребал, пока текущие вопросы решал, тут позвонил Вова Черный. И сразу с наездом, сука лагерная. Не сиделось ему, выполз.

А Паша нихера не в теме. И в офисе уже никого, чтоб дернуть. Нет, так-то, конечно, плевать, понадобилось бы, и из постели, от сладкой бабы бы вытащил. Но не понадобилось. Вова, после короткого разговора, резко сдал назад, понимая, что немного перегнул, и что Паша тоже не железный, и согласился решить дело миром.

Паша закончил разговор на… Как там говорил один из его руководителей отдела по продажам? На позитивной ноте, во. Короче, все все поняли. Но злость осталась. Потому что Вова – сука, это все знают, и общаться с ним лишний раз не хотелось, чтоб не замараться. А тут такая подстава.

Короче говоря, Паша выпил и поехал домой.

Злой. Готовый растерзать любого, кто попадется на пути. Попалась она. Не повезло лисичке.

Он ведь еле лицо сдержал, когда увидел худенькую девочку в лифте. Оценил ее испуганные глазищи, дрожь в теле, то, как назад отшагнула. И еще сильнее разозлился. Он зверь, что ли, какой, чтоб так вот шугаться? Не сказал ей ничего плохого, не сделал…

Ну стоял, ну смотрел… А она губку свою закусила красивую, глазки в него уставила. И не моргала. Смелая. Мало есть людей, его взгляд выдерживающих. Она смогла. И Паша не удержался. Скользнул глазами по фигурке, лениво гадая, какая она без одежды. Не то, чтоб хотелось. Просто по-привычке что ли… Как это бывает с большинством мужиков…

Оглядывал, оглаживал глазами, прикидывал, а как бы она охнула, если б он прямо тут ее повернул и выебал. Уперев лицом в зеркало. Держа за волосы, назад оттягивая, чтоб видеть ее губы пухлые распахнутые, глаза испуганные… Получил от таких мыслей непроизвольный привет снизу. Усмехнулся про себя.

Да, как пацан, бля. Надо хоть бабу было выебать в этом Амстердаме сраном. А он все по делам и по делам.

Они ехали, девка дышала тяжело и привлекательно, блузка офисная на груди натягивалась, ножки тонкие подрагивали… Паша смотрел, представлял, уже не скрывая ничего от себя… Но пока еще так, на уровне теории.

И тут она роняет стакан!

И, как полная дура, причитает и становится перед ним на колени, чтоб кофе вытереть!

Ну кто бы стерпел?

Нет, он не собирался. Совершенно не собирался.

Но когда она снизу вверх посмотрела на него, приоткрыв рот… Короче, он не выдержал. Секса у него не было давно, стресс снимать надо было, блондинка подходила очень даже для этого дела.

Поэтому и придержал, когда хотела встать. А дальше…

А дальше вот она, видеозапись…

Паша включил воспроизведение. Блондинка как раз расстегивала на нем джинсы.

Он помнил этот момент. Когда она замерла, замедлилась. А он, кажется, что-то рыкнул нетерпеливо, подогнал. Она вздрогнула испуганно всем телом и начала расстегивать неверными пальцами болты на джинсах.

Сладко так.

А потом в рот взяла. И он чуть не кончил, как пацан, сразу же. Еле сдержался.

Горячая она была, и тесная. Несмотря на то, что губы пухлые, член плотно обхватывала, кайфово.

На видео блондинка как раз расстегнула до конца джинсы, когда запись прервалась. И потом только видео с камер наблюдения на парковке.

Уже после того, как он кончил и захотел продолжить веселье у себя дома.

На видео было заметно, что девчонка в шоке. Ну еще бы, бля. Проехалась в лифте с боссом! Нормально так, душевненько. Зачет, короче.

И потом, у него дома… Совсем другая была, не зажатая, не испуганная. Злая, отчаянная, кошка прямо. Или лисица. Хитрая. Укусит, а потом хвостиком обовьется, красотой своей пушистой успокоит. До следующего броска. Жаркая девка, хорошая. Подходящая. Хоть и не любил он путать дела и отдых, но тут уж сам случай постарался. В конце концов, ее и уволить можно. Пусть дома посидит. Бабы это любят. Может, и эта специально в лифте каталась. Ждала его. Или Васю. Или Батю. Или Серегу – архитектора… Короче, любого мужика с директорского этажа… Ну вот и дождалась.

Теперь на его члене будет кататься. Пока Паше не надоест. И, опять же, баба постоянная, тоже неплохо. А то шмары надоели уже. А тут молоденькая, свеженькая, горячая…

Он посмотрел еще раз на фотографию в личном деле. Ну привет, Полина, приятно познакомиться. Повезло тебе.

Тихое покашливание отвлекло от экрана.

Бля, забыл совсем про Батю. А он – вон он. Сидит. Пялится.

– Смотрел сам-то?

– Да ты че, Паш! Не, нахер надо.

– Это правильно. Позвони Пузырю, пусть ее ко мне пришлет.

– Хорошо…

– И не пяльсяя так, глаза вырву.

– Конечно…

– Я серьезно!

– Да я верю, Паш!

– Вырву сказал! И зубы выбью, скалиться будешь!

– Да все, Паш! Все!

Он отошел к окну, коротко спросил что-то по телефону. Паша опять отвекся на изучение фотографии Полины. Усмехнулся. Хорошая какая.

– Эээ… Паш…

– Ну? Че такое?

– Она заявление сегодня написала… На увольнение…

– Че???

Глава 8

Я с утра зарылась в бумаги, приводя все в порядок и прикидывая, в какой очередности завершать. В принципе, если не добавит начальство радости, то в две недели уложусь.

Никак не захотел меня главбух рассчитывать одним днем. Даже при условии невыплаты зарплаты. А я готова была и на это, лишь бы убраться поскорее.

Утром шла через вестибюль, со стыда сгорая. Потому что, наверняка уже все коллеги… Да что там коллеги! Все здание было в курсе, кто в лифте гендиру отсасывал… Странно, что пальцами не показывали. Но за спиной точно шептались и смеялись.

Я же, после бессонной ночи, да еще и такой, выглядела и чувствовала себя крайне измочаленной. Измученной. Да еще и утренний допрос не привычной к такому моему выверту Ленки не прибавил сил и настроения.

Правда, к чести сеструли, она не особо донимала. Так, поржала только над моим истерзанным видом и потом, ввалившись без стука в ванную, удивленно присвистнула, обозревая поле боя.

– Ну ты даешь, Поль. Ощущение, что тебя зверь потоптал…

Ага… Носорог, блин…

Поэтому я долго бодаться с главбухом была не готова, и так морально поистрепавшись, пока шла к месту работы под оценивающими, как мне казалось, взглядами коллег.

Две недели, так две недели…

Выдержу как-нибудь.

Уныло перещелкивала файлы, перебирала папки, помечала в блокноте то, что надо сделать в первую очередь.

На телефон поначалу не среагировала, увлекшись.

Затем опомнилась и ответила.

– Мелехова, что происходит? Где ты шляешься, на рабочем месте тебя нет? – Ядовито и зло заорала трубка голосом главбуха.

И вам здравствуйте еще раз, Максим Юрьевич…

– Бегом папку с личными делами по СТРке в зубы и на директорский этаж. Там тебя встретят!

– Аааа…

Но я не успела задать сакраментальный вопрос: «Почему я?». Начальство отключилось.

А я так и осталась сидеть, опустив руки в бессилии. Знала я, кто меня встретит на директорском этаже. Отлично знала. Потому что иных причин, чтоб меня, да и вообще кого-либо из бухгалтерии, кроме главбуха, таскали пред светлы очи руководства, не было. За все три года моей работы здесь, такого не случалось ни разу.

И вот, случилось. И Максим Юрьевич злой до невозможности. И смотрел на меня с утра так… Едко, понимающе. Тоже все знает. Конечно, знает. Все все знают… Господи, позорище какой… И зачем я опять Носорогу? Ну явно же не для того, чтоб за чудесную ночь поблагодарить?

Чего еще ему надо от меня? Все уже получил. Вдоль и поперек использовал на полную катушку.

Сколько еще унижений мне предстоит? За одну-единственную ошибку? Совершенную глупость?

Опять телефон.

– Ты какого хера еще на рабочем месте, Мелехова???

Голос, срывающийся на визг, подстегнул меня.

Встала, взяла папку, пошла. Как на казнь. А так и есть. Вот она, моя зеленая миля, как у Кинга. Длинный коридор до лифта.

Поднялась на директорский этаж. Там уже караулила высокая, очень симпатичная девушка, секретарь гендира. И, если до этого у меня все же теплилась иррациональная надежда, что мне не туда, не к нему, что в самом

деле позвали, чтоб документы принесла, то после такой встречи даже и этой надежды не осталось.

Потому что мне именно туда. К нему. К Носорогу.

Я молча пошла следом, сжав в руках папки до белых костяшек на пальцах, смотрела в пол и пыталась унять бешено стучащее где-то в районе живота сердце.

Кабинет, крепкая, массивная дверь. Захлопнулась за спиной капканом.

Он сидел за рабочим столом, поднял на меня взгляд черных глаз, уже привычно придавливая словно бетонной плитой к полу.

– Привет.

– З…здравствуйте…

Я мялась у дверей, сжимала в руках папки и, наверняка, выглядела крайне жалко. Впрочем, чувствовала себя еще ужаснее. Опять накатил страх. Беспричинный. Вот, казалось бы, чего бояться? Ты уже была с этим мужчиной, во всех смыслах. Спала с ним. Откуда страх? Откуда это ощущение, будто на тебя поезд скорый едет, сейчас разметет по путям, только ошметки оставив?

Паша еще даже не вышел из-за стола, а я уже дышать не способна. И думать.

– Проходи, садись.

– Ссспасибо… Постою…

Вот уж нет! Уменьшать расстояние между нами по своей воле? Как бы не так! Наоборот, шаг назад сделать… А, черт, дверь же!

Паша с интересом пронаблюдал за моими трусливыми метаниями и особенно за выражением лица, когда спиною в дверь уперлась.

Встал.

Обошел стол.

И пошел ко мне!

Не надо! Не надо этого! Сиди на своем рабочем месте! Не подходи ко мне! Пожалуйста, пожалуйста, пож…

– Ну что, Полина Мелехова, боишься все еще?

Он упер ладонь на уровне моего лица в дверь, наклонился.

И все.

И я опять не могу дышать. Нет воздуха рядом с ним. Только ядовитый дурман, отравляющий мозг. Сводящий с ума, заставляющий дрожать колени, неметь пальцы ног, сохнуть губы… Нестерпимо хотелось облизнуть. Не буду.

И в глаза ему посмотрю. Страшно, как же страшно! Но надо.

Посмотрела, уже не дыша, не чувствуя сердце. И погибая окончательно. Потому что глаза его… Это не омут, нет. Это не похоже ни на что из тех сравнений, что приходили на ум раньше. Это… Это что-то дьявольское. Вот когда смотришь и понимаешь, что у тебя секунда есть свободы, милисекунда, которая уже ничего не решит, но даст мозгу осознание грядущего кошмара. И лучше бы ее не было, этой милисекунды. Лучше бы не осознавать такое.

– Боюсь… – я сама не поняла, как умудрилась произнести, как смогла. Но сказала. Тихо, практически шепотом. Не отрывая взгляда от него.

– Зря. – Он наклонился еще ниже, и тело мое глупое заныло сладко сразу во всех тех местах, где он успел побывать этой ночью. Оно было готово к повтору. Оно ждало его. В отличие от меня. – Говорил же, поздно бояться.

Больше он ничего не сказал. Напал на меня, как зверь, атакуя поцелуем, жестоким и подчиняющим, прижимая за талию к себе одной рукой и

молниеносно перенося мою, несопротивляющуюся тушку на диван.

Я успела только выдохнуть. Вдох мне дарил уже он. И был его кислород отравой. Сладкой и жестокой. Потому что я все прекрасно понимала в этот раз, но ничего не могла сделать. Не подчинялось мне тело. Само по себе было, извиваясь, распахивая ноги, обнимая руками за крепкую шею, подставляя грудь под поцелуи-укусы, позволяя опять рвать на себе нижнее белье, и не думая, не думая, не думая…

А Паша особо не торопился, смакуя каждую секунду нашей близости. Оглядывая меня своими черными глазами, лаская тяжело и по-собственнически, небрежно вытаскивая из одежды, словно подарок распаковывая, только клочья летели по всему кабинету. И с удовольствием проводя жесткими пальцами по своим же следам, оставленным прошлой ночью. И обновляя их.

– Мне нравится, как на тебе мои пальцы смотрятся, – прохрипел он, примеряясь, – так и ходи…

– Голая? – и как это у меня хватило сил съязвить? Наверно, его неосторожные движения, причиняющие боль, все же немного привели в сознание.

– Разговорчивая… – хмыкнул он, резко задирая мою ногу себе на плечо и врезаясь в меня без всякой подготовки. Наклонился сильнее, прихватывая губами подбородок, запрокинутый назад, от резкой, но такой, как оказалось, желанной боли, двинулся на пробу жестко, вырывая крик, – поговорим? А? Лисичка?

Я выгнулась еще сильнее, полностью поглощенная странными болезненно-приятными ощущениями. Здесь было все. И дискомфорт от того, что он во мне, а там еще с ночи все очень живо, и надо бы аккуратно, но где Паша Носорог, а где аккуратность? Это в одном предложении несовместимо… И странно-щемящее удовольствие от тяжести его тела на себе, горячего дыхания, твердых пальцев, властно возвращающих мой подбородок вниз, чтоб в глаза мне смотреть. Пока трахает. Так сильно, что диван, тяжеленный, кожаный, ходуном ходит. И ему это нравится. Нравится, как я вскрикиваю от каждого его движения, нравится, как смотрю, как сжимаюсь на нем. И как кончаю, наверно, тоже нравится. Потому что Паша ловит меня в самый пик, и делает пальцами внизу так хорошо, что я, не докричав один раз, тут же захожу на второй круг. И уже не понимаю ничего,

не соображаю, не сдерживаюсь. Наплевав на все на свете. На секретаршу, что наверняка все слышит в приемной, на собственное измученное тело. И на Пашу наплевав тоже, потому что внезапно обмякаю, и ему приходится, выругавшись, в пару толчков завершать начатое. Хотя, наверняка, хотел бы подольше поиграть со мной. А вот нет! Игрушка уже сломалась. Совсем сломалась.

Потом он отпускает меня, садится рядом на диван, ищет сигареты, прикуривает. Гладит меня, лежащую на боку и безучастно глядящую перед собой, по голому бедру.

– Увольняться решила?

Я кивнула, не смотря на него. И не имея сил, после двух оргазмов, переживать свое очередное моральное падение.

– Давай.

Ну вот и все. Теперь окончательно все. И, наверно, это хорошо. Не будет же он мне палки в колеса вставлять, когда я другое место найду? Очень на это надеюсь…

– Нехер работать, дома сиди.

Это как?

Я вскинулась, удивленно глядя на него, затем, охнув, опять повалилась на диван. Нет, все же два дня подряд секс в таком бешеном темпе, это чересчур для организма…

– Сегодня людей пришлю, вещи соберешь.

– Зачем?

Голос предательски хрипнул опять.

– Переедешь ко мне.

– Зачем?

Паша посмотрел на меня, усмехнулся.

Ну да, глупый вопрос какой… В доме-то трахать проще, всегда в доступе…

– А если… Я не хочу?

Паша опять посмотрел, выдохнул дым, поправил одежду, хлопнул меня по бедру и поднялся.

– Сейчас можешь идти. Я скажу, чтоб водитель тебя отвез домой и подождал. Бери основное. Все остальное потом, если надо будет тебе.

– Павел…

– Да, давай, бля, на вы и по имени отчеству! Совсем башка не варит после секса?

Так. Спокойно. Спокойно. Спокойно!!!

Надо просто поговорить, объяснить просто…

– Паша, вы… Ты… Я не поеду никуда!

Он повернулся ко мне от стола, посмотрел молча, с тяжелой иронией, как на глупого ребенка, который говорит бред, но этот бред надо терпеливо выслушать, иначе не отстанет.

Я выдохнула, собираясь с силами. Понимая, что это мой шанс. Единственный, наверно. Нельзя мне к нему, ну никак нельзя! Не игрушка я, не кукла для секса, что бы он по этому поводу ни думал, и как бы я, своими прежними действиями, не подтверждала это. Я не собраюсь жить с ним, исполнять его прихоти… Я не люблю его!

Господи, да я его боюсь до сих пор! Это же Паша Носорог! Да весь город знает, какими путями он деньги заработал! Это страшный, невозможно опасный и

безбашенный тип! Мне не место рядом с ним! То, что произошло, это случайность, стечение обстоятельств. Я не искала этого, не ждала и не хотела.

И сейчас не хочу.

– Паша, я… Думаю, что это неверное решение. Я не готова к такому. И не хочу.

– Я хочу.

Черт! Черт, черт, черт, черт!!!!! Ну как мне пробиться?

– Я. Не. Поеду.

Я сказала это четко, глядя ему в глаза, уже без боязни, хотя, наверно, от страха чуть в трусы не наделала. И наделала бы, если б они у меня были!

Потому что взгляд его стал страшным. Реально страшным. Жестоким. Злым. И опять тяжелым. Давящим. Могильной плитой меня придавил. До смерти. Не вздохнуть, с груди не снять камень.

Но я держалась. Исключительно на своем упрямстве, на злости, неожиданно обнаружившейся во мне. Встала, оправила юбку, вшагнула в туфли, попыталась застегнуть блузку.

И Паша понял. Оценил мой отчаянный вид, мои нервные, но твердые движения.

– Пошла вон отсюда.

О как! Отлично! Вон так вон!

Я, твердо печатая шаг, вышла из кабинета, провожаемая удивленным взглядом секретарши, и пошла к лифту. По пути встретился туалет, и это было кстати.

С минуту я оторопело изучала себя в зеркале. Потом, вхлипнув, попыталась привести одежду в порядок.

Трусы не спасти, висели на одной веревочке, колготки сняла, обтерла сперму с бедер и юбки, как смогла, приладила полуоборванную лямку на бюстике, застегнула блузку правильно, удивляясь, что пуговки удержались. Подняла ворот до горла, чтоб скрыть следы засосов. Пригладила влажными руками волосы, спрятав за уши. Умылась, остужая щеки и губы.

И, пока делала это, разозлилась. Сильно. Очень сильно.

Значит, так, господин Колосов? Паша Носорог? Пошла вон?

А вот хер тебе! Не пойду!

У меня ипотека! И сестра – дура!

Мне надо деньги зарабатывать! И при этом уважать себя! Не как временную подстилку. А как человека! Поэтому хер тебе, а не пошла вон!

Сама – не пойду! И заявление заберу! А уволишь – компенсацию выплатишь! Как положено! И подъемные! Я тебе не бесправная овца, не знающая законов. Я их очень даже хорошо знаю!

И вон я пойду только с деньгами, положенными мне по закону! Так что это ты иди! Вон!

Я выпрямилась, посмотрела последний раз на себя в зеркало, ища следы своего очередного морального и физического сегодняшнего падения. Все в порядке.

Я – в порядке!

И вышла из туалета.

И первое, что сделала, вернувшись на свой этаж, это отозвала заявление об увольнении. Потому что по законодательству я имела полное право это сделать.

Глава 9

Паша Носорог

– Сучка!

Паша сплюнул зло прямо на дорогое ковровое покрытие кабинета и опять выбил сигарету из пачки. Много курить начал. Много. Надо бы сокращать. Уже триста отжиманий по утрам с одышкой.

Взгляд не отпускал тяжелую дверь, за которой минуту назад скрылась эта мелкая дрянь. Полина. Мелехова. Надо пробить будет, может, реально донские казаки в предках? Это бы многое объяснило.

Странная баба, конечно.

Выбесила.

А Паша уже отвык выбешиваться. Обычно, если его что-то бесило, то кто-то за такое сразу отвечал. А здесь кто ответит? С бабы дурной какой спрос?

Вот чего ей, спрашивается, не хватило?

Он ей, можно сказать в любви признался… Хотя, не, любовь – это пиздец как тупо и неправильно. Нет ее, любви этой, бабы же сами и придумали, чтоб мужиков на бабло разводить. Это уже давным давно понятно.

Эта овца должна быть счастлива, что он на нее вообще внимание обратил.

Член в нее сунул. А она нос воротит. Овца.

Стояла здесь, тряслась. Глазищами своими хлопала, губки искусанные открывала.

Он поразился сразу, какая маленькая. Особенно по сравнению с ним. Беленькая, фигуристая. Красивая такая. Глаза запавшие, горят по-дурному. Всегда по бабе видно, если выебали хорошо, качественно. Прям и смотрит по-другому, и ходит…

Полина и смотрела на него так, что хотелось не рассусоливать. Он и не стал.

Взял прямо на диване кожаном. Заменить, кстати, надо будет. Вообще трахаться неудобно, скользко и потно.

Зато она, лисичка Полина, была хороша нереально. Нежная, отзывчивая. И в глазах… Ух! Сразу было понятно, что не играет, реально хочет.

Паша умел определять, когда баба реально хочет, поэтому со шлюхами дело имел крайне редко. Не заводило, если играет. Сразу хотелось морду блудливую впечатать в матрас и не видеть ее вообще. Он так и делал обычно. С лисичкой хотелось, чтоб смотрела. Лицом к лицу хотелось. Половина кайфа – взгляд ее бешеный, стоны ее сладкие, дрожь тела, которую она контролировать не могла. И это заводило. Когда баба так теряет контроль с тобой, это особенное ощущение.

Это как на ринге, когда смотришь на противника. И знаешь, как именно он ляжет. И то, что непременно ляжет. Потому что ты уже все его реакции просчитал, изучил и выверил. Эта нереальная власть над ситуацией, над происходящим.

Это острое понимание за минуту до.

И с Полиной было примерно то же.

Паша знал, нутром чуял каждую ее реакцию. Знал, как сделать так, чтоб закричала, пусть даже больно, но в то же время хорошо. Сладно и мучительно.

Он неосознанно просчитывал и кайфовал все же каждый раз, убеждаясь в правильности расчетов.

Сам дурел от этого похлеще, чем от оргазма.

И знал, что может опять ее вызвать и взять, или подкараулить и увести с собой. И она посопротивляется, но потом… Потом все равно будет кайфовать. И кончать на нем, и под ним, изгибаясь и крича. Искренне и чисто.

И это было охренительное, нереальное по своей крутости ощущение.

Вот только вне постели Паша лисичку не просчитал.

Вернее, думал, что просчитал, а вот херушки вам.

Взбрыкнула чего-то, выбесила.

Ну и получила, само собой. Грубо получилось, некрасиво. Но ничего, вечером можно будет встретить, пообщаться плотнее.

Да… Плотнее – это правильно, это хорошо.

А пока надо все выяснить про нее. Вдруг реально казачья праправнучка? Это было бы прикольно.

Паша усмехнулся, с удивлением ловя себя на том, что успокоился. Просто думая о несговорчивой, выбесившей его бабе. И это тоже было прикольное ощущение.

– Батю ко мне, – коротко сказал он в переговорку, и Соня согласно мурлыкнула в ответ.

А Батя явился ровно через пару минут, словно за дверью стоял. Впрочем, по его роже блудливой было понятно, что, скорее всего так все и было.

Паша уселся за стол, глянул остро, настраивая на рабочий лад.

– С Вовой договорились, сегодня встречаемся. – Батя, за столько лет работы, уже прекрасно знал, когда можно чуть расслабиться, а когда надо сжать булки. И сейчас явно был второй вариант.

– Где?

– В бане, бля, – с досадой цыкнул зубом Батя, отводя взгляд и показывая всем своим видом, что он думает о таких способах ведения переговоров.

– Васю с собой.

– Конечно. Только, Паш…

Паша отвернулся к экрану ноута, демонстративно игнорируя трагическую паузу Бати.

Тяжкий вздох.

А нечего на сказочноебали ездить в осутствие гендира в стране. Вот пусть теперь Васю, непривычного к настоящим русским переговорам на высоком уровне, пропасает. Вова Черный покажет им класс. А знать о том, что основные договоренности уже утрясены по телефону и остаются только нюансы, вообще не обязательно. Воспитательный момент, бля. Чтоб не лошился больше.

– Вопросы еще?

– Нет…

– Тогда сегодня мне всю дополнительную информацию по этой бабе. И уточни, не было у нее в предках донских казаков.

Слабый хрюк с той стороны стола.

Паша медленно развернул голову, с таким невозмутимым и жестким выражением лица, что Арни в знаменитой сцене из фильма их юности позавидовал бы.

Батя подавился и закашлялся.

Паша немного понадблюдал за мучениями свего подчиненного, затем встал, обошел стол и от всей души треснул раскрытой ладонью по спине.

Батя сразу перестал кашлять и начал хрипеть. Паша приложил еще разок. Потом еще.

– Всеоооо… – Батя отъехал вместе с креслом к двери, вскочил. Рожа у него была красная, одно удовольствие смотреть.

– Точно? А то, может, еще разок? – спросил Паша, лениво делая шаг вперед.

– Нееее… Вылечил, спасибо! Пойду я, рентген сделаю, а то мало ли, трещины в ребрах…

Батя вывалился из кабинета.

Паша постоял, подумал, а затем вышел к секретарю.

Соня подняла на него вопросительный взгляд.

– Когда у меня Мелехова была, сюда кто-то приходил?

Соня, вспыхнув всем лицом сразу, как это умеют только рыжие от природы люди, опустила голову.

Понятно… Значит, слышала все. Так-то похуй. Но надо выяснить.

– Кто был?

– Сергей Витальевич…

– А какого хера Сергей Витальевич здесь терся?

– Он… – секретарша опустила голову еще ниже, куснула губку, – он… Приходил к вам, но я сказала, что вы заняты… А он постоял, подождал, потом ушел…

К концу фразы голос ее совсем стих, превращаясь в шепот.

Паша постоял, посмотрел на нее. Был тут, значит, Батя, отирался…

А ему не сказал. Поскалился только. Мало ему врезал, мало. Надо сильнее, чтоб место свое знал.

И девчонку смущает. Явно она красная не от воспоминаний о криках Полины. Сонька – девка, хоть и молодая, но уже проверенная, такая херня бы ее не смутила. А вот необходимость признаваться, что Батя к ней яйца подкатывает…

– И часто он так приходит, когда меня нет?

Соня совсем низко опустила голову, безмолвно признавая правильность догадок.

Паша помолчал, затем зашел в кабинет. Очень сильно хотелось опять вызвать Батю и настучать по лысой башке, чтоб не лез к его секретарше. Ведь ничего хорошего. Сонька здесь уже четыре года работает, его, Пашу, очень даже устраивает. Спокойная, нелюбопытная, исполнительная. Да ее сбшники во главе с тем же Батей несколько месяцев проверяли! И сейчас иногда посматривают. Ни одного косяка.

Сейчас толкового помощника хер найдешь.

Паша припомнил вереницу пустых дур, которых поставлял отдел персонала, пока не появилась, наконец, Сонька, и оскалился.

Нет уж, отсосет Батя. Хер ему, а не Пашину секретаршу.

А то, увлекся, похоже, проверянием…

Паша потребовал кофе, и погрузился в работу, чувствуя себя необыкновенно бодро.

Сегодня вечером он прихватит недотрогу-лисичку по дороге домой и увезет к себе. И плевать, что она там будет лепетать. Похуй совершенно. Паша хочет – Паша возьмет.

Глава 10

Максим Юрьевич завалил работой по самое горло. В воспитательных целях, конечно, мстя за финт с увольнением. Но все равно было видно, что рад. Ну конечно, где еще такую безотказную рабочую лошадку найдешь… Слово «безотказная» сразу навело на мысли о случившемся в кабинете Носорога.

Правильное слово. Очень меня характеризующее. Разозлилась еще сильнее.

Против всякого здравого смысла опять отяжелела грудь, словно требуя такой сладкой грубости прикосновений, и ноги пришлось сжать посильнее. И напомнить распутному телу и ушедшему в сексуальный загул мозгу, что мы стараниями босса сегодня без трусов. И с рабочего места не уйдешь никуда, Максим Юрьевич бдит, толстый гад, и обед я явно пропущу, если ночевать здесь не собираюсь. А я не собираюсь. Хватит с меня сверхурочных. Как-то не очень они полезны для психики.

А еще, пожалуй, похожу-ка я пешком до своего этажа, оно и полезней, и нервы целее. А то в нашем лифте сегодня ехала и просто с ума сходила. Так и стояла картинка перед глазами, мое отражение в хроме стен. На коленях. Перед Носорогом. Не надо мне больше таких воспоминаний. Не надо.

Но задержаться все равно пришлось.

И идти потом по пустой лестнице вниз, до первого этажа.

По пути названивая опять куда-то пропавшей Ленке, которая уже давно должна была сидеть дома и делать курсовую, идиотка! Но телефон сестры был вне зоны, я, зная ее способность попадать в самые дурацкие ситуации, злилась. Эту курсовую я выпросила у преподавателя буквально на коленях, потому что хвост тянулся с первого курса, и грозил вырасти до размеров динозаврьего. И теперь эта овечка, вместо сидения дома, шляется! И, скорее всего, выпивает! Потому что можно уже! По нашему гребанному законодательству!

Я на время даже про свои беды забыла, поглощенная только мыслями о дуре-сестре. Вот где ее теперь искать? А искать надо, потому что курсовую сдавать завтра. И сама себя она не напишет. И даже из интернета не скачает.

Я до такой степени задумалась, что черную, до боли знакомую машину в стороне от центрального входа заметила не сразу. Возилась с приложением такси, не

понимая, как может машина блуждать уже пять минут вокруг самого большого в городе делового центра и не находить его, поэтому от резкого гудка вздрогнула. Огляделась, в поисках придурка, которому помешала проехать.

И вот он. Придурок. Хорошо, хоть из машины догадался выйти, не совсем погряз в своих девяностых.

Я застыла в лучах фар прибитой к стеклу мухой. И, наверно, вид у меня был на редкость придурковатый, потому что Паша подошел ближе и с недоумением сузил глаза. Достал сигарету. Прикурил, не сводя с меня своего страшного черного взгляда, под воздействием которого у меня опять начали дрожать коленки. Но, кроме этого, опять потяжелела грудь, и свело живот возбуждением. Я была в ужасе не столько от ситуации, хотя должна бы, потому как он сам меня с утра послал, а тут стоит, смотрит. Проверяет, верно ли маршрут поняла? Нет. Я ужаснулась своей реакции на него. Тому, что тело помнит все его прикосновения, без исключения. И те, что были ночью, и сегодняшние, дневные. И сладкой болью в нужных местах показывает, что вообще не прочь. Что очень даже за. И губы сохнут совершенно показательно. И сглотнуть хочется от внезапной сухости.

И, самое главное, что Носорог это все прекрасно считывает. Лучше меня понимает мою реакцию на себя, сверлит прищуренным взглядом, курит, выдыхает дым. Ждет. Моего шага первого. Как тогда, в лифте. Когда сама спровоцировала глупостью своей. Не упала бы перед ним на колени, ничего бы и не было этого.

Наконец, через пару затяжек Носорогу надоедает ждать, когда я очнусь, и он приглашет в машину. Кивком. И смотрит при этом так уверенно и тяжело, словно даже и не думает, что я могу сказать или сделать что-то ему поперек. И мысли у него такой не возникает. Лицо спокойное, лениво-тягучий взгляд скользит по мне, уже мысленно распаковывая, вынимая из одежды. проходясь по всем изгибам ладонями, устанавлявая в ту позу, которая нужна ему. И мое мнение по этому поводу настолько несущественно, что даже и времени тратить на его озвучивание не стоит. Смешно. Конечно, я пойду. Конечно. Куда я денусь?

И это отрезвляет настолько, что в грудь, на место тяжелому вожделению, рожденному его взглядом, приходит злость, настолько дикая и неконтролируемая, что я даже пугаюсь ее. Боюсь своего порыва, того, что могу натворить. Потому что знаю, творить ничего нельзя. Не тот это человек, который

позволит мне… Творить.

Поэтому я какое-то время просто смотрю в его черные страшные глаза, а затем вздергиваю подбородок и, развернувшись, гордо иду прочь к очень вовремя нашедшей путь из диких городских дебрей в наши центральные курмыши машине такси.

Иду я, конечно, гордо, но очень шустро, потому что боюсь, что догонит. И остановит. И силой в машину затащит, прямо на глазах прохожих, на мнение которых ему плевать, конечно же, и опять под равнодушными объективами камер наблюдения. И ребята-охранники смогут уже начинать составление видеоколлекции под названием «Различные способы затаскивания женщин в машину от Паши Носорога». В сети будет иметь успех. Может, и я уже там эта… Звезда Ютуба…

Не догнал. Даже не окликнул. А я и оглядываться не стала, побоялась.

Села в машину, пощипала онемевшие от стресса ноги, назвала водителю сначала домашний, в неясной и смутной надежде, что сеструля все же не окончательная у меня дура, и сидит дома с курсовой, а телефон просто отключила.

И откинулась назад, закрывая глаза. И запрещая себе думать о Паше Носороге и его возмутительно-собственническом кивке-приглашении. Как собачке. Типа, к ноге. Какой все же монстр! Даже странно, что не догнал и не наказал за самоуправство.

Глава 11

Дома я порадовалась, что не отпустила такси, потому что зря понадеялась до этого. Сеструля – окончательная дура.

И где ее теперь искать – непонятно. Хотя, понятно, конечно, но очень не хочется. Но надо. Есть шанс, что Ленка еще не наклюкалась до состояния нестояния, и ее можно реанимировать холодным душем и аспирином.

А, значит, надо ехать.

Я, вздохнув, вышла из дома и села в такси, навав новый адрес. И по взгляду водителя поняла, что он сильно не рад маршруту. Поэтому оставила даже мысли о том, чтоб попросить подождать его возле шалмана, из которого я буду выковыривать Ленку. Ничего, как-нибудь на своих двоих. Заодно и протрезвеет.

О том, что непутеводная моя звезда может зарулить куда-то еще, я старалась не думать. Да и вряд ли. Денег у нее нет, это уж я стараюсь. Значит, копейки сэкономила на завтраках и настреляла у таких же нищебродов-однокурсников. Парни ей дают деньги охотно в надежде на ответную благодарность. И даже ее многолетнее динамо их не останавливает. Наивные… Дети, что с них возьмешь…

Клуб с прекрасным названием «Бешеная собака» работал все дни недели, и даже в понедельник, и считался самым отстойным местом района. И самым популярным, как ни парадоксально. Потому что дешево, за вход платить не надо, и музыка незатейливая. Все, как мы любим, ага.

Никакой охраны на входе, само собой. А зачем? На все драки сюда стабильно выезжает полиция. У них это место под особым контролем. А все потому, что владелец его – из них. То ли бывших, то ли настоящих. Неважно, впрочем. Главное, Ленку, козу гулящую оттуда извлечь.

Мой офисный наряд вызывал недоумение.

Я порадовалась, что дома успела быстренько натянуть хотя бы трусы. Парадоксально, но почему-то чувствовала себя защиненней.

Пьяные морды на танцполе, идиотская музыка. Я подошла к бару. Кивнула знакомому парню. Меня здесь не то чтоб знали, но пару раз я Ленку уже вытаскивала. А бармен вообще в ее однокурсниках ходил. Понятно, почему она свалила. Его смена же, наверняка обещал поить бесплатно, гад. В надежде, что потом она ноги перед ним раздвинет. Это, конечно, вряд ли. Сестра в пьяном угаре могла буянить, драться и ругаться, но блядством не отличалась. Наоборот, на всех обычно обижалась и показательно старалась наказать.

Я вопросительно подняла бровь, парень, оглядевшись отчего-то тревожно, поманил меня пальцем. Это еще что за новости?

– Ленка вперлась, хорошо, что ты пришла. – Тихо сказал мне бармен, выразительно указав глазами на чилаут, – Хотя, нихера ты ей не поможешь. Вызывай ментов. И не лезь. А то и ты попадешь.

– С кем она? – вот дура, дура, дура, дура!!!

– С хозяином. А он любит молоденьких… Говорил я этой овце…

Я не стала дальше слушать, рванула в диванчикам, окутанным дымом кальяна, а, возможно, и не только кальяна, так, что понять, что там происходит, за завесой дыма, былот нереально.

Слава Богу, Ленка нашлась сразу.

Вот только в таком положении, что хоть прямо сейчас вызывай ментов. Потому что сидела она в окружении мужиков самой криминальной наружности. Синие, в наколках по самые пальцы, руки, и это не дань моде вообще, пустые и дикие взгляды. Странные, расслабленные движения. Похоже, под кайфом мужики. Ленка была среди них единственной девушкой, похоже, положение свое осознавала полностью, потому что глаза у нее были, как у какающего мышонка. На пол лица. И напряг в них такой же.

Я, мысленно перекрестившись, подошла, вежливо улыбнулась мужикам, оглядывающим меня с однозначным интересом, и сказала твердо и настойчиво:

– Я прошу прощения, могу я девушке пару слов наедине сказать? У нее ребенок дома один остался, плачет, пусть по телефону с ним поговорит хотя бы…

Меня осматривали задумчиво и внимательно. Молча. Я ждала, с застывшей улыбкой на губах. И сжимая бедра. Потому что от страха реально чуть не описалась.

А затем ближний ко мне мужик приподнялся и резко дернул меня за руку себе на колени, сразу же хлопая по заднице тяжеленной ладонью.

– Ниче так сучка, мягкая, – заржал он, мерзко воняя нечищенной пастью и вызывая стойкий рвотный рефлекс.

Так, попала. Попала, блин!!! Надо срочно придумывать… Ребенок не прокатил, но, может, просто не поняли, не услышали за грохотом музыки?

Я начала говорить опять про ребенка, про то, что он не может заснуть без голоса мамы, что мы сейчас вернемся, Ленка, включившись в игру, поддакивала и аккуратно пыталась выбраться из-под тяжеленной растатуированной пятерни, лежащей вроде бы расслабленно на ее плече.

Но, стоило ей двинуться, как лапа сжалась, и мужик, у которого явно были виды на мою тупую до безобразия сеструлю, рявкнул:

– Заткнись, бля. Не сдохнет твой пацан за одну ночь. Я вот не сдыхал. Пошли наверх.

И поднялся, прихватив за локоть пискнувшую от ужаса Ленку. Меня тоже тут же подняли и повели следом. Я начала бешено отбиваться, уже наплевав на всякую конспирацию и здравый смысл, выворачивала голову, пытаясь показать взглядом бармену, чтоб вызвал полицию, но тот, перехватив мой взгляд, только еле заметно головой покачал. Конечно! Каждому его жизнь дорога, вмешиваться здесь никто из персонала точно не будет.

И тут я увидела в толпе того, кого вообще не ожидала увидеть!

Паша Носорог стоял последи танцующих малолеток, и казался элементом настолько чужеродным, что мне даже подумалось, что у меня уже бред на фоне стресса. Ужаса.

Но нет, он стоял, курил, и смотрел по сторонам. Словно искал кого-то.

Меня! Пусть он ищет меня!

Меня дернули за локоть, обматерили и облапали за задницу, а я, понимая, что времни у нас с Ленкой – всего ничего, и что на второй этаж, к приват-кабинетам, путь короткий, опять вывернула голову в сторону Паши. И поймала-таки его взгляд!

И вложила в свой ответный столько мольбы, что, будь Паша даже черствым куском хлеба, не устоял бы.

Он и не стал стоять. Сразу двинулся к нам.

Черт, а вот на это я не рассчитывала. Думала, что полицию вызовет, или своих охранников. Но уж никак не то, что сам рванет на выручку. Надеюсь, что на выручку!

Паша догнал нас уже на входе в кабинет. Резко рванул меня на себя и моментально определил за спину, а удерживавшего меня мужика в нокаут. Так быстро, что я успела только рот раскрыть. А мужик вообще ничего не успел. Даже разглядеть Носорога. Свалился, как мешок с костями, и не шевелился больше.

Следующим движением Паша подтолкнул меня к выходу, но я воспротивилась.

– Ты чего, бля? Остаться хочешь? – рявкнул Носорог, опять меня толкая в сторону лестницы, но я кинулась к нему, обняла за шею и зашептала лихорадочно и умоляюще:

– Сестра, там сестра моя, Паша! Пожалуйста, Паша!

Он перевел взгляд на уже закрывшуюся дверь кабинета, потом на лежащее у его ног синее тело, нахмурился.

Прошла примерно минута после его появления наверху, мужики, что вдвоем увели мою Ленку в кабинет, просто не оглядывались, и не заметили пропажу приятеля. Пока не заметили. И Паша, скорее всего, хотел свалить по-быстрому. И никому ничего не объяснять. А тут надо заходить и разбираться.

По крайней мере, именно так я поняла его паузу. Перед действиями.

Он зашел в кабинет, где Ленку уже пытались напоить водкой, а она отмахивалась и материлась. Посмотрел на мужиков, по вытянувшимся лицам которых было понятно, что они его не ожидали увидеть. А еще, что узнали. Неудивительно, учитывая слухи, ходящие о нем в городе.

– Вечер в хату, – поздоровался Паша и улыбнулся.

Тут мужики сбледнули с лица. И я тоже. Потому что до этого не видела его улыбки. И, вот честно, лучше бы я и дальше без этого зрелища в своей памяти жила.

– Ошиблись, ребят. Девка – сестра моей сучки. Отпустите.

Отпустили сразу, без вопросов.

Ленка, всхлипнув, кинулась ко мне, обнимая и утыкаясь губами в макушку. Дылда вымахала, а дура. Вот сегодня и огребет по своей модельной жопе.

– Под кем ходите? Под Вовой?

Кивнули.

– Привет ему от меня передайте.

Мотнул головой мне на выход, как совсем недавно, у офиса. И в этот раз я без вопросов вообще пошла. Быстренько так, ровненько. Ленку-дуру вперед себя толкая для безопасности, чтоб опять не утащили утырки какие-нибудь.

Паша пошел за нами, у входа обернулся:

– Я там вашего одного помял, нечаянно. Не споткнитесь.

И вышел.

И до самого выхода молчал. Возле машины опять закурил, оглядел мою жалкую фигуру, Ленку с поплывшей косметикой, сжал зло губы. Сел за руль, не открыв даже нам двери. Ну ничего, мы сами справились.

До дома ехали молча. Ленка, напуганная до полусмерти, тихо всхлипывала на заднем сиденье. Я гладила ее по голове, понемногу отпуская стресс. И ловя настойчивые взгляды Паши в зеркале. Вполне однозначные.

Да понимаю я все. Понимаю. Дай только сестру в чувство привести.

– Лена, Лена послушай, – тихо заговорила я, вытирая черные потеки туши с мокрых щек, – иди домой. Умойся. И садись, сука такая, делать курсовую!

Последнюю фразу я проорала, уже не сдерживаясь. Паша только хмыкнул одобрительно. Ленка сразу замерла, перестав плакать. И кивнула. А потом перевела взгляд на Носорога, который, притормозив возле нашего подъезда, опять закурил.

Я открыла дверь, поймала предупреждающий черный взгляд, отвернулась. Не надо меня гипнотизировать. Я все поняла. Поняла я.

Вышла вместе с Ленкой, толкнула ее к двери подъезда. Она обернулась на меня, обняла порывисто, зашептала:

– Поль, Поля, это кто вообще? Он страшный такой, Поль… Страшный… Не садись к нему, пошли домой, дверь закроем и все… Поль, не надо, я дура, дура, Поля, прости меня! Не надо, не надо из-за меня…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zayceva_mariya/lyubov-nosoroga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить